

СОН пчелы

притча - медитация

Наталья
Третьякова

Наталья Третьякова

Сон пчелы

«Автор»

2026

Третьякова Н.

Сон пчелы / Н. Третьякова — «Автор», 2026

Притча-медитация о жизненном пути через прохождение всех старших арканов Таро от ученика до учителя, обретение потерянной любви и познание истины. Главный герой сквозь неспешное повествование находит ответы на свои вопросы.

© Третьякова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СОН 1: Двадцать два цветка яблони	5
СОН 2: Двадцать один унесённый ветром лист	9
СОН 3: Двадцать семян	11
Сон 4: Девятнадцать золотых пчёл	13
СОН 5: Восемнадцать капель росы	14
СОН 6: Семнадцать светлячков над стогом сена	16
СОН 7: Шестнадцать горящих дубов	18
СОН 8: Пятнадцать красных быков	21
СОН 9: Четырнадцать кувшинов из одной реки	26
СОН 10: Тринадцать чёрных коров	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Третьякова

Сон пчелы

СОН 1: Двадцать два цветка яблони

Снилось золотой пчеле, что на берегу реки стоит яблоня, на которой было двадцать два цветка, и каждый плодоносил в свой час, даря миру лепестки, опадающие с тихим шелестом, — и миру снилось, как пчела летела, устремляясь к дереву, манившему её своим медовым ароматом.

Порхая между ветвями, трепещущими под лёгким дуновением ветра, она замечала цветы, раскрывающиеся в разном ритме: одни, уже отжившие свой срок, роняли увядшие лепестки; другой цветок, замерший в плотном бутоне, словно застыл во времени, храня в себе тайну ещё не начавшейся жизни; а из третьего, отцветшего чуть раньше прочих, уже зарождалось маленькое яблоко, едва заметное, но уверенно крепнущее, наливающееся силой под ласковыми лучами солнца.

Зачарованная этим зрелищем, пчела кружила вокруг яблони, вслушиваясь в шёпот времени, отсчитывающего мгновения каждой жизни, и, ощущая, как каждый вдох наполняет её мудростью, рождённой из гармонии цикличности, понимала: в одном бутоне — обещание будущего, в зарождающемся яблоке — плод свершившегося, а в опадающих лепестках — благородство завершённого цикла.

Омываемая лучами утреннего солнца, пробивающимися сквозь лёгкую дымку тумана, она замерла на мгновение, осознавая, что и её полёт — лишь звено в бесконечной цепи бытия, сплетённой из тысяч таких же мигнов: бутонов, ждущих своего часа, цветов, отдающих аромат миру, и плодов, несущих в себе семена новой жизни. И, принимая эту истину, с новой лёгкостью продолжила свой путь, неся в себе память о яблоне, цветках и сне.

Аркан 22 «Дурак / Шут»

Наступило утро, и солнце, поднимавшееся над горизонтом, окрашивало оранжевым светом яблоневый сад, раскинувшийся за школой у самой реки. Лёгкий ветерок, пробегающий по ветвям, колыбал лепестки, осыпающиеся с тихим шорохом, а где то вдалеке раздавалось пение ранних птиц, приветствующих новый день. У яблок, созревающих под ласковым солнцем, вкус был медовый — словно сама природа соединила в них сладость цветущих деревьев и кропотливый труд пчёл, которые, пробудившись с первыми лучами, перелетали от цветка к цветку, собирая драгоценную росу. Воздух, напоённый тонким ароматом цветения, казался осязаемо густым, словно сотканным из самой сути пробуждающейся жизни.

Ученики, ещё не появившиеся в саду, наверняка видели в своих снах этот рассвет — такой же яркий и обещающий, как первые успехи в учёбе, а учителя думали о том, как похоже это на процесс обучения: знания, словно цветы, раскрываются не сразу, требуют заботы и времени, а усилия учеников, подобно труду пчёл, постепенно превращаются в плоды — умения, навыки, открытия, обладающие той же медовой сладостью достижения.

В школе было восемнадцать учителей. Семнадцать учителей был одеты в белые одежды - цвета ясного полуденного солнца, и каждый рассказывал свой опыт обучения двадцати двум ученикам, облачённых в оранжевые одежды - как первые лучи рассвета. Знания, полученные проживанием жизни, передавались так же естественно, как яблоневый сад дарил аромат своим цветам, а пчёлы делились мёдом с теми, кто умел ценить плоды усердного труда.

Учителя, несущие в себе мудрость прожитого опыта, передавали ученикам своё отношение к миру, чтобы те учились видеть связь между уроками и реальностью, замечая, что процесс

познания похож на созревание яблока: сначала бутон идеи, затем цветение понимания, а после — плод результата, сладкий, как медовый вкус.

Апис и его жизнерадостный лучший друг Симха были всегда вместе. У Аписа была его возлюбленная Сапиентиа, с которой он познакомился во время обучения, как и с друзьями - справедливым Эквитасом и добрым Бонумом, так же их связывала тесная дружба с влюблённой парой - жертвенная Агапия и безусловно любивший её Каритас. Задира Фламма, с огненными волосами. Сугата проводил своё обучение сидя под яблоней, созерцая монотонное течение реки, лишь изредка с любознательностью и глубоким принятием наблюдая за своими одноклассниками, учителя к нему относились не как к ученику, а как к учителю, одноклассники любили проводить с ним своё свободное время, чувствуя единение. Сёстры - Аша, полная надежд и Самшая, полная сомнений, всегда ходили вместе, как и Тихерос, который всегда полагался на судьбу и Алпата, чувствующий недостаточность всего. Аласья предпочитал праздность обучению, а хитрый Долос часто вводил в заблуждение Плани. Ирша завидовала несерьёзности Лагхута, а алчность Аваритии вызывала опасение у Мэтуса. Вирама любил учиться, но боялся применять свои знания в жизни, а Тьякта чувствовал среди них себя чужим и не готовым к обучению.

И был у них самый любимый восемнадцатый учитель, носивший золотые одежды, которые, переливаясь в лучах солнца, словно напоминали о сиянии внутренней мудрости, и каждый ученик, вглядываясь в его спокойный взгляд и внимая неторопливым словам, желал однажды стать таким же, как он — постигнуть суть бытия, отбросив иллюзии, сковывающие дух подобно тяжёлым цепям. Стремясь повторить его путь, ученики усердно трудились, преодолевая собственные слабости и наблюдая за тем, как учитель, не осуждая и не оценивая, относился ко всему с неизменной добротой, — и в этих наблюдениях рождалось понимание: истинное величие не во внешних атрибутах, а в состоянии души. Отбросив страхи и сомнения, они учились смотреть на мир без осуждения, замечая красоту в обыденном — в полёте птицы, в шелесте листьев, в улыбке друзей, — и постепенно начинали ощущать то самое единство, о котором говорил учитель. Пребывая в гармонии с собой и миром, он шёл по жизни легко, словно скользя над суетой, и эта лёгкость, рождённая глубоким пониманием законов бытия, вдохновляла учеников на новые свершения. Они мечтали достичь той же внутренней свободы, когда каждое действие рождается из любви, а не из желания доказать что-то окружающим, — свободы, позволяющей принимать всё сущее как часть единого целого, не разделяя мир на «хорошее» и «плохое». В часы медитации, закрывая глаза и прислушиваясь к биению сердца, ученики пытались уловить то самое единство, которое учитель, казалось, ощущал постоянно, — и в редкие мгновения им удавалось прикоснуться к этому состоянию, пусть ненадолго. Наблюдая за тем, как наставник общается с людьми, они постигали искусство безусловного принятия, учились видеть в каждом искру божественного начала, скрытую под покровом повседневных забот. С каждым днём, работая над собой и сверяясь с примером любимого учителя, ученики всё яснее осознавали: путь к постижению сути бытия лежит не через накопление знаний, а через очищение сознания от предубеждений, через искренность перед самим собой и готовность меняться. Вера в возможность достичь той же высоты, на которой пребывал их любимый учитель, давала силы двигаться дальше, не сворачивая с избранного пути. Так, шаг за шагом, они шли к своей цели — не чтобы повторить его, а чтобы, впитав его мудрость, раскрыть собственную уникальность, оставаясь в гармонии с бесконечным потоком жизни и принимая мир во всей его многогранности.

Учителя, прошедшие через испытания и обретшие мудрость в тиши уединения, часто рассказывали ученикам, как, внимая голосу сердца и отсекая шелуху иллюзий, они постигали важнейшие уроки жизни: не верьте лжепророкам и фокусникам, говорили они, так как те, ослепляя зрелищем и обещая мгновенное просветление, уводят в сторону от истинного пути, заманивая в сети самообмана. Стремитесь к познанию жизни во всей её полноте, учили настав-

ники, наблюдая за рассветом, размышляя у лесного ручья и слушая шёпот ветра, — лишь так откроется глубина бытия. То, что не изменяется, — погибает, напоминали они, видя, как застывшие в косности умы увядают подобно деревьям без живительной влаги, утратившим способность расти и плодоносить. Не отнимайте силой, предостерегали учителя, понимая, что насилие рождает лишь ответное насилие, а мир, построенный на принуждении, хрупок, как лёд под весенним солнцем. Все понимают истину по-своему и по-другому, но это не значит — лучше или хуже, замечали учителя, каждый взгляд ценен, но не стоит возводить его в абсолют. Каждый сам проходит свой путь к знаниям через практику, утверждали они, падая и поднимаясь, ошибаясь и осознавая ошибки, — книга мудрости и жизни пишется не пером, а чувствами, знаниями и поступками. Истинные знания не работают для манипуляций, подчёркивали учителя, видя, как искажённая мудрость превращается в оружие, — свет должен освещать, а не ослеплять. Не поддавайтесь эмоциям и настроению, советовали они, наблюдая за приливами и отливами душевных волн, — разум, обуздавший страсти, подобен капитану, ведущему корабль сквозь шторм. Не соглашайтесь на меньшее, чем желаете, наставляли они, замечая, как страх и сомнения заставляют людей отказываться от мечты, — звезда светит ярче, когда к ней стремятся. Всё истинно в вере твоей, но правда у каждого своя, размышляли они, слушая исповеди паломников и странников, — внутренний компас важнее чужих указаний. Понять, что хочешь, — это ответственность перед собой, утверждали учителя, видя, как многие блуждают в тумане чужих ожиданий, — выбор пути лежит в глубине души. Каждый человек — учитель, осознали они, урок можно извлечь из любого общения, если слушать сердцем. Нельзя вернуться в прошлое, напоминали учителя, глядя на утекающие песчинки времени, — сожаления лишь отягощают шаг, а силы нужны для дороги вперёд. Ищите людей, которые вас понимают, советовали они, цenia редкие мгновения единения душ, — родственные огни согревают в холодную ночь. Авторитетов нет, провозглашали свободные духом, сбрасывая оковы догм, — истина рождается в личном опыте, а не в цитатах древних книг. Свобода — это главное, утверждали учителя, ощущая её как дыхание ветра, — без неё душа чахнет, как цветок без солнца. Берите шанс в настоящем, призывали они, видя, как люди откладывают жизнь «на потом», — миг, упущенный сегодня, не вернётся завтра. Внутренний покой и не сопротивление миру — вот путь, заключали учителя, наблюдая за рекой, обтекающей камни, — борьба с бытием истощает, а принятие дарует силу. Мир един, и всё одно, осознали они в моменты просветления, чувствуя связь с деревьями, звёздами и людьми, — разделение иллюзорно, а гармония рождается из понимания этой великой целостности.

Когда Тьякта, тихо собрав свои вещи и переодевшись из оранжевых одежд, цвета первых утренних лучей, в свою привычную синюю одежду, цвета предрассветного неба, поклонившись в знак благодарности, покинул школу, учителя, собрав оставшихся учеников в яблонево́м саду, заговорили о пути искателя: рано или поздно, утверждали они, глядя на трепещущие листья, каждый человек пройдёт своё обучение — не по указке, не по принуждению, а когда душа, созревшая для откровений, будет готова распахнуться навстречу истине. Ведь от познания жизни и её вечных законов, продолжали учителя, кажется, что можно лишь на миг отойти — задержаться у родника, чтобы утолить жажду, или остановиться на перекрёстке, выбирая дорогу, — но это познание, проживаемое самой жизнью, не прерывается ни на мгновение, словно река, текущая сквозь долины и ущелья. Оно течёт в биении сердца, учили они, замечая, как ветер шевелит ветви яблонь, и в дыхании, размеренном, как приливы и отливы моря. Оно звучит в шёпоте листьев и отражается в глазах встречающих путников, несущих свои уроки. Кто бежит от своего пути, в конце концов спотыкается о собственные страхи, а тот, кто идёт с открытым сердцем, находит ответы там, где раньше видел лишь вопросы. Ваш одноклассник Тьякта ушёл, не прощаясь громко, а растворяясь в утреннем тумане, напоминая, что истинная мудрость не цепляется за формы, подчёркивали наставники, видя, как ученики переглядываются с недоумением, — она свободна, как птица, парящая над горами, и приходит тогда, когда

ум перестаёт искать выгоды, а душа учится слушать тишину. Всё, чему мы учимся, приходит не из книг, а из столкновений с реальностью, развивали мысль учителя, из падений, поднимающих нас выше, из потерь, открывающих ценность того, что остаётся, из молчания, говорящего громче слов. Не время определяет готовность, а внутреннее пробуждение, напоминали они, замечая, как золотистые лучи солнца касаются лиц учеников, — когда сердце перестаёт бояться темноты, а разум принимает бытие как данность, тогда начинается настоящее ученичество. Оно не в запоминании наставлений, а в проживании их, продолжали учителя, видя, как оранжевые бабочки порхают на школьном дворе, — в ошибках, очищающих от иллюзий, в сомнениях, закаляющих веру, в одиночестве, ведущем к встрече с собой. Жизнь сама становится учителем, заключали они, наблюдая полёт пчёл, — она задаёт вопросы, на которые нельзя ответить заученными фразами, она ставит испытания, проверяя глубину понимания, она дарит встречи, раскрывающие скрытые грани души. И когда ученик, осознав это, отпускает привязанность к результату, тогда обучение, начавшееся с первого вдоха, обретает смысл, завершали учителя свою речь, так как истина не в достижении цели, а в шаге, сделанном с осознанностью, в миге, прожитом целиком, в сердце, открытом миру без условий и оговорок. Так Тьякта ушёл — не прочь от учения, путь не кончается уходом, а продолжается в каждом, кто помнит, что познание жизни — не курс лекций, а дыхание, не экзамен, а существование, не цель, а сама суть бытия, текущая, меняющаяся и вечная одновременно.

После ухода Тьякты ученики продолжали обучение, углубляясь в наставления учителей и сверяя свои внутренние ощущения с уроками, а затем они продолжали гулять в яблоневом саду за школой, вдыхая аромат созревающих плодов и прислушиваясь к шороху листьев, шепчущих вечные истины. Гуляли они и у реки, несущей свои воды за горизонт, — стоя на берегу, наблюдали, как течение, неумолимое и спокойное, уносит прочь опавшие лепестки, напоминая о быстротечности мгновений и вечном движении жизни. Учителя, замечая их размышления над уроками, не торопили с выводами, а лишь напоминали, что каждый путь уникален: как ветви одного дерева тянутся в разные стороны, так и ученики, сохраняя связь с общим корнем, обретают свою форму. В яблоневом саду, где каждая яблоня, склонившая ветви под тяжестью плодов, словно учила щедрости и терпению, они постигали урок зрелости — не спешить, но и не останавливаться, доверяя времени и себе. У реки же, слушая мерный гул воды, ученики учились не привязанности: подобно тому, как река не удерживает капли, а пропускает их сквозь себя, человек должен уметь отпускать мысли и эмоции, не застревая в них надолго. Наблюдая за игрой света на поверхности воды, они осознавали, что истина, как и река, не статична — она меняется, течёт, принимает новые формы, оставаясь при этом верной своей сути. Так, чередуя размышления с простыми радостями — прогулками, беседами, молчанием у костра, — ученики шли дальше, понимая, что путь познания бесконечен, и каждый шаг, сделанный с осознанностью, приближает к той самой гармонии, к которой стремился и их любимый учитель в золотых одеждах. И в эти мгновения, когда ветер доносил аромат яблоневого цвета, а река напевала свою древнюю песню, им казалось, что истинное обучение не заканчивается никогда, оно продолжается в каждом вдохе, в каждом взгляде, в каждом прикосновении к миру.

СОН 2: Двадцать один унесённый ветром лист

Снилось золотой пчеле, что ветер поднялся над рекой и зеркальная гладь покрылась рябью как чешуёй. Неподалёку, на молодом дереве, чьи ветви тянулись к ясному небу, был двадцать один лист — каждый отливал зеленью и трепетал, словно живое существо, предчувствующее перемены. Но вот порыв ветра, резкий и неумолимый, унёс двадцать листов — они, кружась в танце и прощаясь с родными ветвями, устремились вдаль. Лишь один лист остался и держался, несмотря на порыв ветра.

И миру, погружённому в сон и внимающему шёпоту вселенной, снилось, как пчела, сверкая позолотой на крыльях и ловя отражённые рекой блики, летела дальше — туда, где горизонт сливался с небом, где ждала неизвестность. Лист, оставшийся один на дереве, казалось, слегка кивнул ей вслед, благословляя на путь, ведь каждый, будь то пчела или лист, находит свой смысл, когда решает остаться и когда решает продолжить движение.

Аркан 21 «Мир»

Вирама, глубоко задумавшись о противоречивости бытия и ощущая трепет перед неизведанным будущим, решил остаться продолжать обучение в школе, поскольку искренне любил учиться, впитывая знания, словно жаждущая влаги почва, — но, внутренне содрогаясь, всё же боялся применять их в реальной жизни, опасаясь столкнуться с несовершенством мира, не совпадающим с идеальными концепциями, усвоенными за партой. Апис и его жизнерадостный лучший друг Симха, неразлучные и дополняющие друг друга, были всегда вместе, деля радости и тревоги, смеясь над мелкими неудачами и поддерживая друг друга в минуты сомнений, — их дружба, скреплённая общей радостью, сияла подобно вечному огню, не гаснущему под порывами жизненных бурь. У Аписа была его возлюбленная Сапиентиа, казавшаяся предначертанной судьбой, подарила ему чувство, раскрывшее в душе неизведанные глубины и мир рядом с ней ощущался ярче и осмысленнее. Как и с друзьями — справедливым Эквитасом, всегда отстаивавшим истину, и добрым Бонумом, чьё сердце было открыто для всех, — их связывала тесная дружба, укреплённая общими идеями и взаимным уважением, позволявшим каждому оставаться собой, не теряя связи с остальными. Их также объединяла дружба с влюблённой парой — жертвенной Агапией, готовой отдать последнее ради любимого, и безусловно любившим её Каритасом, чьи глаза светились преданностью. Задира Фламма, с огненными волосами, был как яркая вспышка среди учащихся, привлекая внимание своей необузданной энергией и дерзкими выходками. Сугата казался воплощением мудрости, обретённой не из книг, а из самого бытия. Сёстры — Аша, полная надежд, и Самшая, полная сомнений всегда ходили вместе, дополняя друг друга, как свет и тень. Так же неразлучны были Тихерос, который всегда полагался на судьбу, доверяя её течению, и Алпата, чувствующий недостаточность всего, вечно ищущий чего-то, что заполнило бы внутреннюю пустоту, — их пути, казалось, шли параллельно, но никогда не сливались в один. Аласья, предпочитавший праздность обучению и проводивший дни в ленивом созерцании облаков, плывущих по небу. Хитрый Долос, часто вводивший в заблуждение Плани, ловко жонглировавший словами и подменявший понятия. Ирша, завидовавшая несерьёзности Лагхута, легкомысленно относящегося к жизни, как к весёлой игре, порой ловила себя на мысли, что сама лишает себя радости, слишком серьёзно воспринимая мир, — её внутренняя борьба между строгостью и желанием беззаботности отражалась в каждом взгляде, брошенном на беспечного товарища. Алчность Аваритии, вызывавшая опасение у Мэгуса, видевшего в ней угрозу гармонии, складывавшейся годами, заставляла задуматься о природе человеческих страстей, способных разрушить даже самые крепкие связи, — и Вирама, наблюдая за всем этим, понимал, что школа для него — не просто место получения знаний, а живой организм, в котором каждый играет свою роль, формируя общую картину бытия, столь же сложную и прекрасную, как сама жизнь. Ученики сменили оранжевые

одежды, цвета первых лучей рассвета на зелёные одежды выпускников, цвета травы, растущей вдоль дорог и рек.

Вирама, сомневаясь в себе и в том, что сможет применить знания в жизни, решил остаться в школе и продолжить обучение, — этот выбор, словно камень, брошенный в спокойную гладь озера, породил в его душе целую череду размышлений, расходящихся кругами сомнений и робких надежд. Сидя под яблоней в школьном саду, он смотрел на тропинку, ведущую прочь из школы, и представлял, как по ней уходят его одноклассники — Апис с Симхой, смеющиеся и размахивающие руками, Сапиентиа, оборачивающаяся, чтобы бросить последний взгляд на стены, дававшие им приют и мудрость, Эквитас с Бонумом, о чём то горячо спорящие, но не теряющие взаимного уважения.

Вирама чувствовал, как внутри него борются два начала: одно, робкое и осторожное, шептало, что он не готов, что мир за пределами школы слишком сложен, жесток и непредсказуем, другое же, едва слышное, но упрямое, напоминало о жажде понимания, о желании не просто знать, а действовать, воплощать идеи в реальность, преображая её к лучшему.

Он вспоминал слова Сугаты, сказанные однажды под яблоней: «Истинное знание начинается там, где заканчивается страх перед применением его на деле», — и эти слова, подобно эху, отдавались в сознании, заставляя задуматься: а не прячется ли он за стенами школы от самого себя и от всего мира? Наблюдая за Фламмой, чья энергия, пусть и необузданная, всегда находила выход в действии, за Ашей, всегда надеющейся на лучшее, и даже за Самшаей, чьи сомнения не мешали ей идти вперёд, Вирама осознал, что страх — это не препятствие, а часть пути, знак того, что он стоит на пороге чего-то важного. Но страх, что он чего-то недопонял и не выучил не давал ему двигаться дальше.

СОН 3: Двадцать семян

Снилось золотой пчеле, что на берегу реки, омываемом ласковыми волнами и поросшем шелковистой травой, посеяно двадцать семян — каждое покоилось в мягкой земле, тая в себе обещание жизни и ожидая знака пробуждения. Одно семя проросло первым — пробившись сквозь землю и тянущийся к солнцу, оно уже давало плоды: на ветвях созрели яблоки, отливающие светом и источающие тонкий медовый аромат. Девятнадцать других семян, лишь недавно пробудившихся к жизни, только пробивались сквозь толщу земли — их робкие ростки, едва показавшиеся на поверхности и дрожащие на ветру, тянулись к свету, преодолевая сопротивление.

И мир жил своей жизнью: река, напевая древнюю песню и неся свои воды за горизонт, отражала в небо. Ветер, играя с травой и шепча что-то молодым росткам, разносил по округе ароматы пробуждающейся природы. Оранжевые бабочки, порхающие над цветами собирали нектар, а птицы, распеваящие в кронах деревьев и приветствующие новый день, наполняли пространство мелодичными трелями.

А пчела, сверкая позолотой на крыльях и ловя блики солнца, летела над берегом заметив это пробуждение природы размышляла о тайнах роста и созревания. Затем, взмахнув крыльями, полетела дальше — туда, где горизонт манил неизведанными далями, где каждый росток, даже самый слабый, имел шанс превратиться в могучее дерево, а каждое семя несло в себе чудо.

Аркан 20 «Суд»

Выпускной вечер в школе выдался торжественным: яблонево́й школьный сад, украшенный гирляндами из белых цветов и золотых лент, наполнился смехом и тихими вздохами — кто-то радовался началу новой жизни, кто-то с грустью прощался с привычным укладом. Выпускники в зелёных одеждах, стояли перед учителями, а за их спинами, струилась река, отражающая солнечные лучи и отливающая золотом.

Учитель в золотом обвёл взглядом выпускников — юные лица, полные надежд и тревоги, глаза, горящие жадой свершений и одновременно страхом перед неизвестностью, — и заговорил голосом, глубоким и ровным:

— Ученики, сегодня вы покидаете стены этой школы, унося с собой то, что мы старались вложить в вас: знания, правила, законы, формулы истины. Но я хочу сказать вам самое важное: истина не только в знаниях. Истина — в проживании самой жизни. Вы выучили, что дважды два — четыре, но жизнь покажет вам ситуации, где этот ответ будет недостаточным. Вы узнали о добродетели, о чести, о любви — но понять их подлинную цену можно лишь тогда, когда вы сами совершите добрый поступок, поступите по совести или отдадите частицу сердца другому. Знания — это карта. Она может показать вам дороги, перевалы, реки и города. Но пока вы не ступите на эту дорогу, не почувствуете под ногами её неровностей, не встретите попутчиков, не переживёте непогоду и не порадуетесь солнцу — карта останется лишь бумагой с линиями. Вы можете выучить наизусть все песни мира, но пока не споёте сами, пока ваш голос не задрожит от чувств, пока не ощутите, как звук рождается в груди и летит в пространство, — вы не познаете музыку жизни. Истина раскрывается не в книгах, а в ваших поступках. Она — в том, как вы поддержите друга в беде, как простите того, кто обидел вас, как возьмёте на себя ответственность, когда это будет трудно. Она — в слезах радости и горечи, в бессонной ночи раздумий, в улыбке незнакомца, которая вдруг согреет вас в холодный день. Она — в каждом мгновении, прожитом осознанно, с открытым сердцем. Так идите же вперёд. Применяйте знания, но не прячьтесь за ними. Будьте смелы в своих ошибках, так как они — ступени роста. Будьте чутки к миру и к себе. И помните: самая великая мудрость рождается не из теории, а

из проживания. Пусть каждый ваш день станет шагом к подлинной истине — той, что живёт не на страницах книг, а в вашем сердце и в ваших делах.

После напутственной речи ученикам вручили подарки - невесомые белые сумки — каждому свою, словно сотканную из белого тумана. Они с любопытством принимали дары: стоило взять сумку в руки, как она будто сливалась с ладонью, становясь продолжением самого владельца. Кто то попытался передать свою сумку другому — но тот не смог её удержать: чужая ноша оказалась неподъемной, тогда как своя — совершенно невесомой.

— Эти сумки, — пояснил учитель, — символ вашей судьбы. Чужая ноша тяжела, а своя, даже самая сложная, не гнёт плечи, если нести её осознанно. Всё, что окажется внутри, станет невесомым для вас — но лишь вы сможете открыть свою сумку и воспользоваться дарами.

Один за другим выпускники заглядывали внутрь. В каждой сумке лежали четыре предмета, сияющие мягким светом: Первый подарок - свиток из белого холста — чистый, без единой метки. Учитель объяснил:— Этот свиток будет отражать ваш опыт. На нём проступят золотые надписи, когда вы пройдёте важный урок жизни. Вы увидите, чему научились не в школе, а в деле: как преодолели страх, как проявили доброту, как сделали выбор между лёгким и правильным. Но помните: свиток покажет лишь то, что вы действительно осознали. Второй подарок - книга жизни — Она пишется сама, — продолжил учитель. — Каждый ваш поступок, решение, встреча — всё оставляет след на её страницах. Но прочесть написанное вы сможете лишь тогда, когда будете готовы. До тех пор текст покажется вам нечитаемым— загадочным, манящим, но непонятым. Это защита: мудрость приходит вовремя, не раньше и не позже. Третий подарок - флейта — изящная, из светлого дерева.— Она зазвучит сама, — улыбнулся учитель, — в те мгновения, когда ваше сердце наполнится подлинной радостью, любовью или счастьем. Пусть её мелодия напоминает вам, что истинное богатство — в способности радоваться жизни. Четвёртый подарок - компас с золотой стрелкой — Он укажет путь, — сказал учитель серьёзно. — Но не к месту на карте, а к тому, что сейчас важнее всего для вашей души. Стрелка дрогнет, если вы свернёте с дороги своего предназначения, и успокоится, когда вернётесь на верный путь.

Выпускники рассматривали дары, трогали свитки, осторожно касались флейт, крутили компасы в руках. Апис сжал в ладони компас и улыбнулся Сапиентиа — стрелка чуть заметно качнулась в её сторону. Ирша поднесла флейту к губам, но та молчала и она убрала её в свою сумку. Самша нерешительно развернула свиток — на нём проступил слабый узор, похожий на лабиринт, а Аша, открыв книгу жизни, увидела мерцающие знаки, которые, сливались в нечитаемые символы.

Учитель в золотом поднял руку:

— Помните: эти дары — не магия, а отражение вашей жизни. Свиток покажет уроки, только если вы их прочувствуете. Книга прочтётся, когда станете мудрее. Флейта зазвучит, лишь когда радость будет искренней. А компас укажет путь тому, кто готов идти.

Он склонил голову:

— Идите же. Пусть ваши сумки никогда не станут тяжелы, а дары помогут пройти дорогу, которую вы выберете сами.

Выпускники переглядывались, улыбались, прятали дары в невесомые сумки, и каждый уже мысленно делал первый шаг в мир, где знания должны были стать опытом, а уроки школы — частью их собственной истории.

Сон 4: Девятнадцать золотых пчёл

Снилось золотой пчеле, что на берегу реки, на ветвях яблони сидит восемнадцать белых голубей. Они плавно, почти невесомо, отрываясь от ветвей яблони полетели следом, скользя в потоках воздуха и ловя отражённый солнцем блеск её золотых крыльев. Чем ближе они подлетали к золотой пчеле, тем сильнее их белоснежные перья начинали мерцать, переливаясь мягким золотистым светом. Один за другим, обретая сияние, голуби постепенно превращались в золотых пчёл — их крылья зажужжали в унисон с золотой пчелой, глаза заискрились мудростью, а движения стали лёгкими и целеустремлёнными, словно они всегда были частью этого волшебного роя.

И миру, погружённому в сон и внимающему дыханию вселенной, снилось, как пчела, уверенно вслушиваясь в гармонию и чувствуя, как воздух наполняется их дружным жужжанием, летела вперёд, к горизонту, где небо сливалось с рекой, а река — с небом. Ветер, подхватывая их полёт и играя с золотистыми крыльями, шептал о том, как всё сущее способно меняться, обретая новую сущность и в этом превращении нет волшебства, кроме одного: способности откликнуться на зов мечты, шагнуть за пределы привычного и обрести крылья.

Аркан 19 «Солнце».

К учителю в золотом, стоявшему посреди яблоневого сада и овеянного лёгким ветерком, несущим ароматы цветущих трав, подошли остальные учителя в белом — их одежды, чистые и безупречные, мягко струились при каждом шаге, а лица излучали спокойствие и мудрость, накопленную годами размышлений и наставлений.

Следом за ними ступал их ученик Сугата в оранжевом ученическом одеянии — его одежда, яркая, как лучи восходящего солнца, символизировала пылкий дух познания и готовность впитывать знания. Их одежды, озарённые солнечным светом, начали мерцать, переливаясь едва заметными золотистыми бликами — словно тонкая пыльца оседала на ткани, даруя ей новое сияние.

Мир, словно задержал дыхание и в этой тишине, наполненной священным трепетом, стало ясно: преобразование не во внешних чертах, а во внутреннем прозрении — когда ученик, пройдя путь смирения достигает уровня учителя и, постигая мудрость, сливается с единым.

СОН 5: Восемнадцать капель росы

Снилось золотой пчеле, что на берегу реки, окутанном лёгкой предрассветной дымкой и поросшем молодой травой, восемнадцать капель росы мерцали, отражая лунный свет — каждая была словно крошечная жемчужина, сплетённая из серебра и тумана. Они переливались холодным сиянием, ловили и множили лучи луны, превращая луг в россыпь мерцающих звёзд, упавших с небес на землю.

Луна окутывала всё вокруг бледным светом. Её отражение дрожало на поверхности воды, разбиваясь на мерцающие полосы и снова собираясь в единое целое. Тогда они вспыхивали ярче, рассыпая вокруг себя мириады крошечных бликов, похожих на светлячков.

А миру, погружённому в глубокий спокойный сон и внимающему дыханию ночи, снилось, как золотая пчела летела — плавно, почти невесомо, чуть покачиваясь в потоках прохладного воздуха. Её золотые крылья, подсвеченные лунным светом, отливали перламутровым блеском.

Река тихо несла свои воды, луна отражалась в ней, капли продолжали мерцать, а золотая пчела всё летела и летела — туда, где горизонт сливался с небом, где ночь была особенно глубокой, а мечты — особенно ясными. И в этом сне, общем для пчелы и мира, таилась простая истина: красота рождается там, где встречаются свет и тьма, малое и великое, движение и покой.

Аркан 18 «Луна».

Каритас и Агапия переглянулись — в их взглядах читалась безмолвная договорённость, родившаяся ещё в школьные годы, но теперь обрётшая чёткие очертания. Они решили идти своим путём — не просто рядом, а рука об руку, создавая собственную дорогу там, где её ещё не было.

Каритас бережно положил в свою невесомую сумку дары, полученные на выпуске: свиток, книга жизни и флейта. А компас с золотой стрелкой слегка подрагивал в его ладони. Агапия сделала то же самое, но перед тем, как закрыть сумку, на мгновение задержала взгляд на свитке — на его поверхности проступил слабый узор, напоминающий переплетение двух ветвей.

— Куда поведёт нас компас? — тихо спросила Агапия, глядя на Каритаса.

Он взглянул на стрелку — та, чуть поколебавшись, указала не на какую-то точку на горизонте, а словно бы внутрь, в глубину их общего намерения.

— Он показывает не направление, а цель, — улыбнулся Каритас. — И сейчас он говорит: «Идите туда, где вы нужны друг другу и миру».

— Может быть, — задумчиво сказала Агапия, — он подсказывает, что наш путь — это не одна дорога, а множество тропинок, которые мы создаём сами. Главное — идти вместе.

— Значит, начнём наш путь! — сказал Каритас, беря Агапию за руку. — Туда, где нас ждёт не просто дорога, а жизнь, которую мы создадим сами.

Они вышли из школы на рассвете. Влюблённые выбрали свою тропу, возможно, не самую лёгкую, но манящую своей неизведанностью.

Со временем они научились читать знаки свитка и понимать намёки компаса. Свиток показывал уроки не сразу, а спустя время — когда опыт осмыслялся. Компас же, казалось, реагировал на их совместные решения: если они спорили о направлении, стрелка металась, но как только находили компромисс, успокаивалась и указывала путь.

Они пошли вперёд, и с каждым шагом их сумки, дары школы и уроки опыта становились частью их истории — истории, которую они писали вместе, день за днём, выбор за выбором, урок за уроком.

Остальные выпускники школы, полные радости и надежд, шли по дороге, смеясь и делясь мечтами о будущем. Они только что получили дары школы — невесомые сумки с книгами жизни, свитками, флейтами и компасами — и теперь отправлялись в большой мир, готовые применить знания на деле.

Вдруг на обочине они увидели человека в чёрном. Он стоял у дороги, по которой шли выпускники и продавал камни, мерцающие серебристым светом. Человек поднял голову и хрипловато спросил:

— Откуда вы такие радостные идёте?

— Мы выпускники школы! — весело ответил Симха. — Получили свои дары и теперь идём познавать мир!

Человек в чёрном рассмеялся резким смехом:

— Зачем тратить годы на познание, когда можно получить мудрость мгновенно? Вот мои лунные камни — они даруют мудрость без усилий, без ошибок, без всех этих «проживаний жизни». У меня их восемнадцать, один оставляю себе, остальные продам вам. А в подарок покажу специальный танец, исполняющий желания!

Ученики заволновались. Мысль о мгновенной мудрости показалась заманчивой, но Эквитас, всегда ценивший справедливость и истину, насторожился:

— Что-то тут не так, — произнёс он твёрдо. — Учитель говорил, что мудрость рождается из опыта. Нельзя купить то, что должно быть заработано.

Но хитрый Долос, стоявший в стороне, вдруг выступил вперёд:

— Эквитас, ты слишком серьёзен! — усмехнулся он. — Почему бы не попробовать? Что мы теряем? Если не сработает — просто продолжим путь. А если сработает — сэкономим годы усилий!

Он подошёл к человеку в чёрном, взял один камень, восхищённо покрутил его в руках:

— Смотрите, как он играет светом! Это же настоящее чудо! И всего-то нужно отдать свои дары, они нам всё равно не понадобятся, если мы получим мгновенную мудрость!

Долос умел убеждать. Его слова, приправленные лукавой улыбкой и ловкими доводами, действовали на учеников:

— Представьте: больше никаких сомнений! Никаких ошибок! Мы сразу станем мудрыми! А ещё и танец желаний — разве это не восхитительно?

Постепенно сомнения учеников таяли. Фламма первым решился:

— Ладно, рискну! — и попытался обменять свои дары на камень.

За ним последовали Апис и Симха, затем Аша и Самшая, Сапиентия и другие. Каждый, получая камень, ощущал прилив уверенности — будто и правда стал мудрее.

— А теперь — танец! — провозгласил человек в чёрном и начал двигаться странным образом: он кружился, поднимал руки к небу, приседал и подпрыгивал, напевая непонятные слова.

Выпускники старательно повторяли за ним движения. Когда танец закончился, человек в чёрном исчез так же внезапно, как и появился, но он не смог поднять их дары и они лежали в дорожной пыли. Ученики переглянулись и забрали свои сумки. Сперва всё казалось чудесным. Ученики любовались своими лунными камнями, ощущая себя мудрыми и всезнающими. Но флейты больше не звучали, свитки оставались девственно белыми, не показывая пройденных уроков, книги жизни не открывали своих тайн, компас потерял способность указывать путь.

СОН 6: Семнадцать светлячков над стогом сена

Снилось золотой пчеле, что на берегу реки, обрамлённой шепчущими камышами, над стогом сена, пропитанным запахом лета, танцует семнадцать светлячков, мерцающих, словно рассыпанные по бархату звёзды.

Миру, погружённому в безмолвие сумерек, снилось, как пчела, опылившая сотни цветков и собравшая в крыльях отблески закатного солнца, летела сквозь туман, клубящийся у самой земли. Минуя тени, таящие неясные очертания, она вслушивалась в едва уловимый шёпот трав, постигая ту вечную гармонию, что, скрытая от суетных взоров, живёт в каждом миге бытия. Далёкие зарницы, вспыхивающие на горизонте, будто знаки неведомых истин, напоминали о том, что даже в самом лёгком полёте заключена неизречённая мудрость, присущая всему сущему.

В этом странном сне, сотканном из мерцания и тишины, растворялись границы между явью и грёзой, заставляя задуматься о природе сновидений, рождающихся на стыке усталости и надежды. Пчела, утомлённая долгим днём, не ведала, что её полёт становится частью чьей-то большой мечты, бережно хранимой ночным покоем.

Светлячки, кружившие в неспешном танце, словно пытались передать беззвучное послание, понятное лишь тем, кто умеет слышать тишину. Река, неспешно несущая свои воды, отражала зыбкие огоньки, превращая реальность в мозаику полутонов и намёков. Каждый взмах крыльев, отягощённых нектаром и воспоминаниями, отзывался в мироздании едва заметной рябью, нарушающей гладкую поверхность вечности. Так, сплетаясь в едином ритме, сон пчелы и сон мира приоткрывали завесу над тайной, что вечно ускользает от прямолинейного взгляда, оставаясь лишь смутным отблеском в глубине уставших глаз.

Аркан 17 «Звезда»

Семнадцать учеников жили в радости, танцуя на поляне, залитой мягким светом угасающего дня, однако эта радость была поверхностная, словно рябь на воде, не проникающая в самую глубину души, и, увлечённые беспечным весельем, они вытоптали траву, истоптанную сотнями следов до неузнаваемости, которая вскоре высохла, став серой и пыльной, будто утратив всякую связь с животворящей силой земли.

Наблюдая за этим превращением, проходящий мимо старец, облаченный в белые одежды, видевший немало подобных картин за долгие годы странствий, размышлял о том, как легко человек, поглощённый мимолётными удовольствиями, разрушает то, что даровано ему безвозмездно, тогда как природа, терпеливо сносящая людскую небрежность, хранит в себе незримую стойкость, позволяющую ей возрождаться вновь и вновь, но, задумываясь о хрупкости гармонии, он понимал, что не всякий упадок сменяется расцветом, ибо порой следы, оставленные бездумно, въедаются в бытие столь прочно, что стираются лишь веками, и, погружаясь в эти мысли, старец ощущал ту особую печаль, что рождается из осознания человеческой скоротечности на фоне вечного круговорота жизни, а ученики, не замечая ни перемен на поляне, ни тени, омрачившей взор странствующего мудреца, продолжали предаваться веселью, полагая, что радость, лишённая размышлений, остаётся самой чистой, хотя на деле она, подобно высохшей траве, утрачивала сочность и глубину, становясь лишь бледным подобием истинного блаженства, дарованного единением с миром.

Ученик по имени Симха, ощущая внутри ту самую пустоту, что нередко приходит вслед за шумным весельем, решил покинуть своих друзей, собравшихся на опустевшей поляне, где ещё недавно среди сочной травы звенел беззаботный смех, и, бросив прощальный взгляд на их силуэты, вырисовывающиеся на фоне догорающего заката, медленно двинулся прочь, ступая по той самой серой и пыльной траве, вытоптанной в часы беспечной радости; друзья же, увле-

чѣнные продолжением празднества и не заметившие его ухода, продолжали танцевать, полагая, что счастье, подобное летнему зною, будет длиться вечно, тогда как Симха, удаляясь от шумной поляны, вслушивался в тишину, рождавшуюся на месте недавнего гама, и размышлял о том, как легко внешняя суeta заслоняет собой подлинные смыслы, таящиеся в глубине человеческого сердца, а вечер, сгущавшийся над землёй, окутывал его одинокую фигуру мягкой полутенью, словно давая понять, что путь к себе нередко пролегает через расставание с привычным, и, преодолевая внутреннюю дрожь, он твёрдо верил, что лишь оставив позади иллюзорную радость, сможет отыскать ту подлинную гармонию, о которой шептали ему смутные предчувствия, тревожившие душу в самые яркие мгновения общего веселья, да и сама природа, притихшая в преддверии ночи, будто поддерживала его выбор, напоминая, что возрождение всегда начинается с пустоты, способной вместить в себя нечто большее, чем мимолётный восторг.

СОН 7: Шестнадцать горящих дубов

Снилось золотой пчеле, что в роще у берега реки, омываемой тихими волнами, стояло шестнадцать крепких дубов, возвышавшихся над землёй, словно хранители вековой мудрости, но внезапно началась гроза, содрогнувшаяся от первых раскатов грома.

Молнией, вспыхнувшей в кромешной тьме, поразило дубы, и раскололо могучие стволы под натиском небесной ярости. Огонь, пожиравший древесину и вздымавшийся к самому небу, разрастался, охватывая одно дерево за другим, и вот уже все шестнадцать дубов, некогда горделиво шелестевших листвой, сожжены, превратившись в обугленные силуэты на фоне багровеющего горизонта, тогда как пчела, преодолев оцепенение и взмахнув уставшими крыльями, летела прочь, оставляя позади пепелище, рождённое стихией.

Миру, погружённому в созерцание этой катастрофы, снилось, как она, неся в себе память о былой зелени и шелесте листьев, искала путь к возрождению, таящемуся за пределами разрушений, и, вслушиваясь в гул затихающей грозы, осознала, что даже гибель могучих дубов — лишь миг в вечном круговороте бытия, где на месте пепла непременно проклюнутся новые ростки, питаемые дождями, смывающими следы катастрофы.

Пчела, ведомая инстинктом жизни, продолжала свой полёт, храня в глубине существа ту неугасимую надежду, что неизменно сопутствует возрождению после любого опустошения.

Аркан 16 «Башня»

Оставшиеся выпускники, воодушевлённые призрачной лёгкостью бытия и ослеплённые поверхностной радостью, построили шестнадцать домов из дерева, срубленного неподалёку в роще, и, скрепляя брёвна, пахнущие смолой и свежестью, они беззаботно смеялись, не задумываясь о том, сколь недолговечна бывает подобная беспечность, тогда как солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь листву, золотили свежеструганные доски, придавая постройкам обманчиво прочный вид.

Дома, выстроенные в ровном ряду и отражавшие в своих стенах отблески дневного света, казались воплощением простого счастья, а выпускники, завершив труд и не ощущая усталости, предавались весёлым беседам, полагая, что эта радость, рождённая ощущением победы над рутиной, будет длиться вечно.

Однако в их оживлённых разговорах, наполненных смехом и пустыми обещаниями, не находилось места для трезвых мыслей о грядущем, и, упиваясь моментом, они не замечали, как мимолётные эмоции, взращённые на песке иллюзий, постепенно истончают связь с подлинной сутью вещей, тогда как тишина, изредка нарушаемая их голосами, словно пыталась напомнить о том, что за внешней гармонией нередко таится пустота, но они, увлечённые собственным ликованием, продолжали праздновать мнимую победу, считая, что простое созидание уже само по себе гарантирует незыблемость обрётённого счастья, и, любясь ровными рядами деревянных стен, верили, что их радость, подобная летнему зною, никогда не сменится прохладой отрезвления.

Было слишком жарко от полуденного солнца, безжалостно палящего с безоблачной выси, и сухая трава, иссохшая под его нещадными лучами и вытоптанная танцами выпускников в погоне за напускной лёгкостью, вспыхнула.

Пробегавший по равнине ветер, шелестевший редкими стеблями, распалил малейшую искру, а дома, возведённые из дерева и поначалу казавшиеся надёжными, быстро схватились пламенем, вздымавшимся к небу густыми клубами дыма.

Выпускники, застигнутые врасплох стремительным разгулом стихии и метавшиеся между пылающими постройками, тщетно пытались укротить огонь, пожиравший брёвна, пропитанные смолой, тогда как зной, сгущавшийся над выжженной землёй, лишь подстёгивал

неистовое буйство пламени, и, теряя остатки самообладания, они осознавали, сколь хрупка иллюзия безопасности, выстроенная на поверхности мимолётных радостей, однако было уже поздно что-либо менять, ибо огонь, распространявшийся с пугающей быстротой, стирал с лица земли плоды их трудов, превращая в пепел то, что ещё недавно казалось незыблемым.

Наблюдая за гибелью деревянных стен, рушившихся с тяжким треском, они вдруг почувствовали ту пронзительную пустоту, что обнажается лишь перед лицом безвозвратной утраты, тогда как тишина, наступившая после первых криков о помощи, словно подчёркивала неизбежность расплаты за слепоту. Метаясь среди полыхающих обломков, некогда бывших уютными домами, они постигали простую истину: то, что возрастает на почве беспечности и напускной радости, сгорает первым, оставляя после себя лишь горькую золу несбывшихся надежд.

Апис, задышавшийся в густом дыму и оглушённый хаосом, в котором сливались крики, треск пламени и тяжкий гул обрушающихся балок, потерял из виду любимую Сапиентию, мелькнувшую среди теней, словно робкий отблеск былой гармонии, и друзей, растворявшихся в пелене чёрного дыма, будто образы, стёртые безжалостным потоком бедствий.

Метаясь меж пылающих руин и тщетно взывая к тем, чьи голоса уже поглотила огненная буря, он ощущал, как страх, сковывавший движения, вступает в борьбу с отчаянной надеждой, не желавшей смириться с утратой, однако вихрь, вздымавший к небу клубы едкой гари, уносил даже эхо родных имён, стирая их в беззвучие. Теряя силы, Апис падал, оглушённый рёвом стихии, тогда как тьма, сгущавшаяся над выжженной землёй, постепенно вытесняла последние проблески света, и, погружаясь в беспмятство, он словно отпускал всё, что было дорого, полагая, что гибель неизбежна.

Спустя время, очнувшись один в сером пепле, покрывавшем остывшую землю, словно безмолвный саван, он, приподнявшись и ощущая тяжесть утраты, осознал, что лишь боль, пронзившая сердце, подтверждает: он всё ещё жив, и, вглядываясь в выгоревшую поляну, где ещё недавно кипела жизнь, он постигал ту горькую истину, что из пепла, оставшегося после опустошения, порой прорастает стойкость, рождающаяся на руинах надежд, а тишина, воцарившаяся на месте бушевавшего пожара, будто предлагала ему выбор: предаться отчаянию либо отыскать в себе силы для нового начала, способного превратить утрату в ступень к иной, более глубокой мудрости.

После пожара одежда Аписа, пропитанная горьким запахом гари и густо покрытая пеплом, словно безмолвным свидетельством утраты, облепляла тело, а он, пребывая в глубокой печали и посыпав голову пеплом в знак немой скорби, застыл среди руин, где ещё недавно кипела жизнь.

Лунный камень, хранивший в себе отблески призрачных надежд и согревавший душу обещаниями, сгорел, рассыпавшись в невесомую пыль, и у него осталась лишь его белая сумка, чудом уцелевшая в огненном вихре и теперь казавшаяся единственным островком прежней реальности. Перебирая её потрёпанные края и ощущая под пальцами грубую ткань, он вспоминал голоса друзей, растворившиеся в рёве пламени, и образ Сапиентии, мелькнувший в дыму подобно призрачному отражению утраченной гармонии.

Стоя посреди опустошённой равнины, где пепел, оседавший на остывшую землю, приглушал все звуки, Апис чувствовал, как тяжесть утраты, сковывавшая сердце, вступает в борьбу с робкой искрой воли, не желавшей угаснуть, тогда как сумеречный воздух, пропитанный запахом тления, будто испытывал его стойкость, и, вглядываясь в сгущавшиеся сумерки, он осознавал, что эта белая сумка, отныне станетместилищем его воспоминаний, скреплённых болью и надеждой.

Однако в душе, обугленной пережитым потрясением, постепенно рождалось смутное понимание: даже когда всё, что дорого, обращается в прах, остаётся тот внутренний стержень, что, закаляясь в горе, способен удержать человека на краю бездны, и, принимая эту истину сквозь пелену скорби, Апис, собрав последние силы, сделал первый шаг по серому пеплу,

словно начертав им начало пути, которому ещё предстояло обрести смысл среди обломков былой жизни и, ощутив порыв продолжить жизнь и вой путь в поисках утраченной любимой Сапиентии и близких друзей, он встретил своего одноклассника Фламма, чья одежда также была пропитана гарью, но огненно-рыжие волосы, казалось, небыли тронуты пеплом пожара.

СОН 8: Пятнадцать красных быков

Снилось золотой пчеле, что пятнадцать красных быков бегут по зелёному полю за рекой, вспахивая его могучими рогами и поднимая клубы чёрной пыли.

Мир, окутанный мягкой ночной тишиной, тоже видел этот странный сон, наблюдая, как пчела, трепеща золотыми крыльями, летела над бескрайними лугами.

Красные быки, мчались вперёд, не замечая ни высоких трав, склонявшихся под их копытами, ни мерцающих светлячков, порхавших вокруг. Поле, уже изрезанное глубокими бороздами, простиралось до самого горизонта, сливаясь с ночным небом, усыпанным мигающими звёздами.

Красные быки, ведомые луной, продолжали свой бег, оставляя за собой следы, темневшие во мгле, не подозревая, что их движение создаёт застывшие волны на поверхности земли. Луна, висящая высоко над полем, освещала холодным светом красных быков и зелёную траву.

Золотая пчела, взмахнув крыльями, почувствовала, что утренний туман начинает рассеиваться. И когда первые лучи рассвета коснулись земли, видение исчезло.

Аркан 15 «Дьявол»

Апис и Фламма подошли к лесу, когда солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровый цвет и длинные тени, протянувшиеся от деревьев, ложились на траву. Редкие облака, подсвеченные снизу последними лучами, медленно плыли по небу, а ветер доносил ароматы полевых цветов. Деревья, очерченные силуэтом на фоне пылающего неба, казались чёрными. Река, отражающая багряные и золотые тона, струилась, словно расплавленный металл.

В алых лучах заката Апис и Фламма видели отблески огня, поглотившего их дома и забравшего их друзей. Недалеко слышались голоса людей, которые виднелись на привале у костра за деревьями, оживлённо обсуждавших пожар, увиденный ими. В них Фламма узнал своих давних знакомых, с которыми он не виделся много лет и своего друга Ракту, который, казалось, навсегда исчез из его жизни.

Ракта, вдруг выпрямившись и взглядевшись в лица, узнал Фламма.

— Здравствуй, друг! — воскликнул Ракта, приветствуя Фламма, идущего навстречу по тропинке, заросшей травой.

— Ракта! Неужели это ты? — отозвался Фламма, остановившись и широко раскинув руки, словно не веря своим глазам, озорные искорки заблестели в его глазах, сменив печаль прошедшего дня.

Они обнялись, похлопывая друг друга по спине, — так, как это делают люди, разлучённые годами, но сохранившие в сердце тепло прежней дружбы.

— Ты почти не изменился, — сказал Фламма, всматриваясь в лицо друга, освещённое лучами заходящего солнца, пробивающимися сквозь темнеющую листву.

— Зато ты стал серьёзнее, — заметил Ракта, разглядывая Фламма. — Оставайтесь с нами, уже близится ночь и вы можете заблудиться, это я изучил все дороги, так как давно тут живу. Мы построили дома в глубине леса, а сегодня выбрались на охоту и решили остановиться на ночлег здесь.

Ракта заметил, что одежда Фламма и Аписа была покрыта чёрной сажей, а волосы Аписа от пепла стали серого цвета.

— Что с вами случилось? Неужели тот далёкий пожар? — спросил Ракта, отступая на шаг и разглядывая пришедших.

Они дошли до костра у которого сидело двенадцать мужчин, одетых в синие одежды.

Апис: У нас тоже были дома, но пожар отобрал всё, что у нас было. В дыму и огне мы потеряли своих друзей и любимых, теперь ищем их и будем искать, пока не найдём.

Ракта: Но раз вы всё потеряли, то можете пойти с нами и начать всё сначала. У нас крепкие дома, которые мы построили из чёрных деревьев, растущих в этом лесу. Мы живём скромно, но лес кормит нас. Мы охотимся на диких зверей, собираем всё, что лес растит для нас, изредка ходим на реку за рыбой. Мы дружны, хоть это тяжкий труд - выживать в лесу.

Фламма: А мне надоело выживать и каждый день бороться за право жить. Я хочу получить всё, тем более потеряв то, что у меня было, я хочу не просто это вернуть, а приумножить. Жизнь в долгу передо мной и я не думаю, что лес сможет мне в этом помочь.

Вечерний воздух становился прохладнее после раскалённого дня, окутывая всё вокруг вечерним туманом и принося с собой едва уловимый запах ночи. Теперь вокруг костра сидело пятнадцать человек, лица которых были освещены неверным серым пламенем горящих чёрных поленьев. Заходящее солнце окрашивало небо в багряные тона. Деревья, очерченные тёмными силуэтами на фоне угасающего света, молча охраняли покой природы. Солнце, почти коснувшееся кромки леса, бросало последние лучи, отражавшиеся в реке и создававшие на поверхности широкой реки, медленно несущей свои воды к далёкому горизонту, мерцающую золотую дорожку.

Ракта: Ночью станет совсем холодно. А ваша одежда слишком лёгкая, чтобы ночевать под открытым небом. У нас есть тёплые плащи с капюшонами, которые согревают, когда мы остаёмся в лесу.

Ракта доставал из сумок красные плащи и передавал их сидевшим вокруг костра.

Ветер, едва шевелящий верхушки елей, доносил одиночные крики птиц, улетающих на ночлег. Река, спокойная и величавая, несла свои воды, слегка рябя от дуновения ветра и отражая в себе первые звёзды, появляющиеся на темнеющем небе.

Лес, погружающийся в сумерки, наполнялся таинственными звуками, которые так хорошо были слышны в наплывающей тишине.

Заходящее солнце, теряя свою яркость, отбрасывало длинные тени, которые, вытягиваясь, сливались с темнотой леса.

Воздух, наполненный вечерней прохладой, становился всё свежее, заставляя невольно вдыхать его полной грудью и ощущать приближающийся холод.

И лишь широкая река, не меняющая своего неспешного ритма, продолжала течь, в то время как природа, готовящаяся ко сну, затихала, погружаясь в безмолвие наступающей ночи.

Апис: Фламма, вот ты говоришь, что лес не сможет дать тебе дом, но раз жизнь так жестоко поступила с нами и отобрала всё, что у нас было, то мы должны силой вернуть своё, так как это принадлежит нам по праву. Мы не будем отбирать чужое, а заберём то, что и так наше.

Ракта улыбнулся словам Аписа и своим мыслям, переглянулся со своими друзьями и молчаливая договорённость была достигнута, для этого даже не нужны были слова, каждый понял, что это их возможность получить то, что они так хотели.

Постепенно солнце скрылось за горизонтом, оставив после себя лишь красные отблески на облаках, и природа, затихающая с наступлением ночи, погружалась в чёрную тишину.

Апис отошёл от костра и собирал большие ветки, чтобы сделать факелы. Фламма и Ракта обсуждали куда можно пойти, чтобы осуществить задуманное. Ракта предложил пойти к широкой дороге, которая вела через лес и подстеречь путника, чтобы возместить несправедливость жизни и получить то, что они считали своим по праву.

Когда солнце погасило свои лучи и даже звезды скрылись за чёрными тучами во мраке неба, пятнадцать человек в красных плащах зажгли чёрные факелы слепым серым огнём от костра и пошли в глубину леса.

Ночь, медленно опустившаяся на землю, поглотила путников, окутав их плотной пеленой серого тумана. Деревья, застывшие в безмолвии, казались свидетелями их пути. Луна, взошедшая над верхушками елей, бросала бледный свет, пробивающийся сквозь тучи и ветви, а тени, лежащие на земле, словно тянулись к невидимой цели. Ветер, едва уловимо шевелящий

листву, доносил шёпот далёких звуков, затихающий вдаль, и звёзды, мерцающие в вышине, будто подмигивали людям в красных плащах, шедших через темноту леса.

Туман, выползающий из низин, стелился по земле, скрывая корни деревьев, а луна, отражаясь в каплях росы, создавала иллюзию слез на слепых глазах, смотрящих из темноты. Ночная птица, взлетевшая с ветки увидев путников, бесшумно пролетела над поляной, хлопая крыльями, и её крик, разнёсшийся по лесу, заставил Аписа вздрогнуть.

Ветви, склонившиеся под тяжестью ночи, шелестели, переговариваясь между собой, а где-то вдалеке шипение реки нарушало тишину, напоминая о жизни, продолжающейся даже в этот час.

Светлячки, вспыхивающие среди травы, рисовали ожившие узоры, танцуют в воздухе, и их мерцание, смешиваясь с лунным светом, создавало ощущение нереальности происходящего. Деревья, обросшие мхом, стояли недвижно, храня вековые тайны, а тропинка, теряющаяся в глубине чащи, манила вперёд, обещая вывести на дорогу. Тучи, на мгновение затянувшие небо, приоткрыли луну, и её свет, скользящий по стволам, осветил застывшие очертания, будто вырезанные из тьмы.

Лес, погружённый в сон, дышал размеренно, и каждый звук, раздающийся в тишине, казался громким и отчётливым, оглушая шедших в красных плащах.

— Словно время здесь остановилось, — задумчиво произнёс Апис, прислушиваясь звенящей тишине.

— А мы изменились, но не настолько, чтобы забыть, кто мы есть, — сказал Ракта, поворачиваясь к Фламме и освещая его бледным отсветом факела.

— Верно, — кивнул Фламма, отвечая и чувствуя, как прежняя связь, ослабленная временем и расстоянием, вновь становится прочной между ним и Рактой.

— Значит, продолжим наш путь? — спросил, ухмыляясь Ракта, указывая на тропинку, манящую вглубь, туда, где в скором времени она приведёт путников к дороге.

— Конечно, — уверенно ответил Фламма.

Наконец, пятнадцать человек в красных плащах вышли из ночного леса к дороге, и только луна, холодно мерцающая над ними, освещала всё вокруг, а лес, погружённый в осязаемую тьму, был чёрным и непроглядным.

Апис отставал, едва переставляя ноги, оглядываясь назад и прислушиваясь к шорохам, доносившимся из чащи. Остальные, замедлив шаг, с тревогой поглядывали на него. Свет факелов, отражаясь в лицах, создавал призрачные блики, изменяя их привычный человеческий облик. Они, идущие молчаливо в лесу, стали будто бесплотные тени. Ветер доносил запахи сырости и путники, закутавшиеся в красные плащи в темноте леса казались чёрными, продолжали идти, стараясь не терять друг друга из виду.

Ракта, как старший и опытный шёл впереди, периодически останавливался, вглядываясь в темноту, пытаясь уловить любое движение. Туман, ползущий за ними клубился и окутывал ноги, создавая иллюзию, будто они не бредут по дороге, а бегут, поднимая пыль. Кто-то, вспомнив страшные истории о лесах, ускорил шаг, остальные, хоть и старались не показывать страха, невольно сжимали факелы. Дорога казалась бесконечной и путники скрылись за деревьями, чтобы выждать заблудившегося человека и восстановить то, что они называли справедливостью.

Уже близилось утро и небо стало тёмно-синим, стоявшие недалеко от обочины погасили факелы - в предрассветных сумерках уже можно было видеть, так как их глаза привыкли к темноте. Они перешёптывались между собой, но затихли, увидев человека, идущего по дороге.

Только сердце Аписа было не на месте, ему казалось, что глаза застилала тьма и голова кружилась от того, что происходящее было противно его природе. Он чувствовал накачивающую вину за то, что предложил такой выход для своего гнева. Глаза его наполнились слезами, а горло сдавил ужас осознания.

Человек, не подозревавший о наблюдателях, шёл неторопливо, волоча за собой большой тяжёлый мешок. Заметив фигуры, вышедшие на дорогу, он замер, напряжённо вглядываясь в силуэты, выделявшиеся на фоне синееющего неба. Апис же побрёл между деревьями прочь от происходящего, голова его кружилась, а в висках отдавалось биение сердца, оно было настолько сильным, что он больше ничего не мог слышать. В глазах была темнота и он брёл как слепой не разбирая дороги.

Тем временем остальные окружили приблизившегося человека, его лицо в предрассветных сумерках трудно было разглядеть, сами же они надели красные капюшоны и напали на него, отняв мешок, но сумку, что белела на его плече никто из них так и не смог поднять. Избитого и ограбленного, они привязали его к дереву у дороги и оставили одного, унося свою добычу обратно в лес.

Апис, дрожа от страха и кутаясь в плащ, всё время пытался пригнуться пониже, надеясь остаться незамеченным, но он не понимал, что шёл совсем в другую сторону. Ракта, Фламма и остальные, увлечённые совершенным нападением не заметили его исчезновения.

Апис, осторожно ступал по тёмной лесной тропе и вслушивался в звуки пробуждающегося леса. Он чувствовал, как тревога сжимает сердце. Деревья, мрачно высившиеся по сторонам и шептавшиеся листьями, словно пытались его утешить.

Спотыкаясь о выступающие корни он шёл вперёд, надеясь поскорее выбраться из чащи. Предрассветные лучи, едва пробивавшаяся из-за горизонта и бросавшие бледный оранжевый отсвет на расступающиеся облака, ещё не освещали дорогу. Холодный ветер, пронизывающий до костей уже не тревожил его.

Апису казалось, что он уже ничего не чувствует, но постепенно небо начало светлеть, обещая скорый рассвет. Первые лучи, робко скользнувшие по верхушкам деревьев и позолотившие их края, принесли слабое утешение. Лес, постепенно пробуждавшийся ото сна и наполнявшийся птичьими голосами, уже не казался таким злоеющим. Туман, стелившийся над землёй и клубившийся между стволами, медленно рассеивался. Апис, замедлив шаг, поднял лицо к небу и глубоко вдохнул свежий утренний воздух. Рассвет, разгонявший ночные тени, окрашивал небо в оранжевые тона и дарил надежду на новый день. Силы почти оставили его, споткнувшись в очередной раз и упав на колени, он не смог сдержать слёз. Плача и вытирая слёзы рукавом, Апис всё же поднялся и двинулся дальше. Вскоре он услышал далёкий шум воды, манящий и успокаивающий. Лес, заметно поредевший и открывший вид на светлую полосу впереди, больше не держал его в плену. За деревьями он увидел сверкающую в утренних лучах реку. Вода, переливалась всеми оттенками золота, отражала первые лучи солнца и казалась воплощением покоя. Опустившись на берег, всё ещё плача, но уже с облегчением, он опустил руки в прохладную воду. Рассвет, затянувшийся на несколько часов, окончательно победивший ночь и озаривший всё вокруг тёплым оранжевым светом, согревал его душу.

Апис, решивший разжечь утренний костёр у реки и собравший сухие чёрные ветки, аккуратно укладывал их небольшой горкой. Расположившись на расчищенной от травы поляне и оглядевшись по сторонам, он удовлетворенно кивнул: река, сверкавшая в первых лучах солнца и шептавшаяся с прибрежной травой, дарила ощущение умиротворения. Взяв кремень и огниво, он начал высекать искры, внимательно следя за пучком сухой травы, положенным в центр будущего костра. Искры, падавшие на траву и заставлявшие её слегка дымиться, вселяли надежду. Наклонившись пониже и осторожно дуя на едва тлеющий огонёк, Апис старался не спугнуть зарождающееся пламя. Ветер, слегка колыхавший ветви деревьев и пытавшийся затушить первые язычки огня, пытались ему помешать, но вот пламя, подхватившее сухие травинки и начавшее жадно поглощать мелкие ветки, наконец-то разгорелось. Апис, облегчённо вздохнувший, наблюдал за танцующими языками огня.

Утренний туман, стелившийся над рекой и постепенно рассеивавшийся под тёплыми лучами солнца, придавал покой, растревоженному Апису. Птицы, проснувшиеся в прибреж-

ных деревьях и запевшие свои песни, приветствовали новый день. Согревшись и почувствовав прилив сил, Апис скинул с себя плащ в серый огонь и, увидел, как красную ткань поглощали оранжевые языки пламени. Рыба, плеснувшая недалеко от берега и нарушившая зеркальную гладь реки, заставила его улыбнуться. Солнце, поднявшееся выше и осветившее окрестности ярким светом, окончательно разогнало остатки утренней прохлады. Апис снял с себя почерневшую, некогда зелёную одежду опустил её в реку. Вода чёрными разводами смывала гарь и сажу.

Апис и сам зашёл в реку, её вода казалась тёплой и успокаивающей. Затем, сидя у костра и вдыхая аромат дыма, смешивавшийся с запахом влажной земли и хвои, он ощущал полное единение с природой. Костёр, потрескивавший сухими ветками и даривший приятное тепло, стал центром его маленького утреннего мира. Апис глянул на компас, висевший у него на шее, золотая стрелка указывала направление вниз по реке. Затушив огонь, Апис развернул свой белый свиток пройденных уроков, там золотыми буквами было написано:

«Украив росу с чужого цветка, твой собственный будет напоен влагой твоих слёз»

Апис не понял написанного, собрал вещи в белую сумку, затем, оглянувшись на лес, он пошёл вниз по реке, всё так же спокойно несущей свои воды, и печально улыбнувшись новому дню, он двинулся дальше, унося с собой горькие воспоминания прошедшей ночи.

СОН 9: Четырнадцать кувшинов из одной реки

Снилось золотой пчеле, что люди приходили на берег широкой реки, брали четырнадцать кувшинов и черпали воду из единого потока. Каждый наполнял свой сосуд, отходил в сторону и, пригубив, морицился — вода казалась ему горькой.

Оглядываясь по сторонам, человек думал: «Наверняка в кувшинах у других вода слаще и чище, моя же — отравлена какой-то горечью».

Они переглядывались украдкой, завидовали соседям и тайком пытались подменить свои кувшины чужими. Но и в них вода оказывалась такой же горькой — разочарование вновь омрачало их лица.

А золотая пчела, наблюдая с высоты, видела, что вода во всех кувшинах была одинакова — ведь брали её из одной реки. И не в воде была причина горечи, а в том, как люди смотрели на неё, ждали обмана и не верили в простоту истины.

Золотая пчела взмахнула крыльями и полетела над рекой, неся этот сон миру, словно пыльцу с цветка.

Миру снилось, как золотая пчела летит, а люди всё черпают воду и не замечают, что источник чист и щедр. И пока они не поймут этого, горечь будет оставаться на их губах, какой бы кувшин они ни выбрали.

Аркан 14 «Умеренность»

Выйдя к реке и невольно залюбовавшись игрой солнечных лучей на зыбкой ряби воды, Апис заметил вдалеке фигуру, показавшуюся ему смутно знакомой, — это была его одноклассница Ирша.

Остановившись на мгновение и пытаясь осознать происходящее, Апис не сразу решился подойти, а Ирша, увидевшая его, свела брови от досады и пошла навстречу.

Обнявшись после долгой разлуки, они отступили на шаг, разглядывая друг друга с печалью во взгляде: Апис из-за потери любимой, а Ирша, заметно погрузневшая от того, что встретила Аписа, ведь ей нечем было удивить его.

После пожара, в котором сгорело их прошлое у неё ничего не осталось и ей не хотелось признаваться в этом. Они пошли вдоль берега, молча наблюдая за птицами, кружившими над волнами, и каждый боялся начать разговор, опасаясь потревожить старые раны, не зажившие до конца. Полуденное солнце, освещало просторный зелёный луг с семью танцующими парами. Этот вид напомнил им как они смеялись и танцевали в прошлом, до того как огонь поглотил их дома и прежнюю жизнь.

«Давно не виделись», — произнёс наконец Апис, стараясь говорить спокойно, хотя голос чуть дрогнул, выдавая скрытую тревогу, таившуюся где-то глубоко внутри.

Ирша, уловившая эту дрожь в голосе, кивнула и ответила: «Да, слишком давно... Но я рада, что мы встретились именно так — без лишних слов о прошлом, которое, кажется, уже не имеет значения». Но они понимали, что прошлое занимало все их мысли и было всё также значимо для них.

Она глядела на одноклассника, стараясь подобрать нужные слова, — «Недавно я ближе познакомилась с людьми, танцующими на лугу, и это помогло мне. Теперь у меня новые друзья, но кажется, что я осталась такой же».

Ирша и Апис сели в тени раскидистого дерева на холме, откуда открывался вид и на реку и на танцующих людей.

Река, плавно несущая свои воды к горизонту, напоминала им о неумолимом течении времени, а танцующие у берега люди, кружащиеся в ритме неведомого напева, казались частицами единого космического танца.

Ирша: Глядя на них я невольно завидую — у нас когда-то было всё: и дом, и друзья, и танцы на траве, а теперь у меня не осталось ничего и всё приходится начинать с начала.

Апис: Но разве то, что есть у человека, определяет его? Конечно, потеряв всё мы изменились, но дело не в самой потере, а в том, как мы это переживаем.

Ирша: Да, но посмотри как они счастливы и дружны, а я боюсь, что у меня не будет так много друзей, как раньше. Сейчас с моей шумной компанией, вечно придумывающей развлечения, я снова могу быть беззаботной и весёлой.

Апис: А может беззаботность — лишь маска, надеваемая ради одобрения? Настоящие друзья примут тебя любой, не требуя меняться, подстраиваясь под общие ожидания.

Ирша задумалась, глядя сквозь листву на солнце, подглядывающее за ними с неба. Апис вспоминая минувшие дни, следил за игрой света на водной глади. Люди у воды, смеющиеся и танцующие, создавали атмосферу праздника, но друзья, погружённые в свои мысли, видели в этом лишь отражение потерянного прошлого.

Ирша: Может, ты и прав..., - подумав, ответила она. - Но я так хочу быть как они и иметь много друзей.

Апис: Но только если это дружба, а не вежливость. Вспомни, как ты, желая угодить другим, отказывалась от своих желаний, — разве это не признак того, что приходится подстраиваться под других, теряя себя?

Ирша: Да, такое случалось... Однажды, стесняясь признаться, что не хочу танцевать, я пересиливала себя, лишь бы не огорчать их. Получается, что многие из моих «друзей» — просто знакомые, с которыми весело время от времени... Но настоящих, похоже, и правда мало.

Ветер, ласково шевелящий их волосы, доносил до них звуки музыки, смешивавшиеся с пением птиц, в глазах Ирши появились слезы и тень печали, как тень от укрывавшего их дерева, легла на её лицо.

Апис, проведя рукой по коре дерева, чувствовал связь с природой, в то время как Ирша, легла на траву, что бы Апис не увидел её чувств и наблюдала за облаками, плывущими по небу, словно корабли в безбрежном океане, в то время как её мысли, роясь в глубинах сознания, искали ответы на вечные вопросы.

Апис: Гораздо ценнее иметь друга, готового принять тебя и в печали, чем тех, кто рядом только тогда, когда всё хорошо.

Звуки музыки, доносившиеся издалека, переплетались с шумом реки, и это сочетание, наполнявшее воздух, создавало особую атмосферу умиротворения, но Ирша, приподнявшись, указала на танцующих.

Ирша: Посмотри на ту пару, что танцует у самой воды, они так любят друг друга. Глядя на них я вспоминаю Агапию и Каритаса. Наблюдая за танцующими парами, сердце моё сжимается от тоски: мне так не хватает рядом человека, способного поддержать меня.

Апис: Понимаю тебя, но, задумываясь о природе зависти, вспомни старую мудрость: каждый несёт свой груз, скрытый от чужих глаз.

Ирша: Да, я знаю, что у всех свои трудности, но, вспоминая твой счастливый смех рядом с Сапиентией, я невольно завидовала — мне так хочется испытать это тепло, исходящее от взаимной любви.

Сердце Аписа дрогнуло от тоски и вновь нахлынувших воспоминаний, уносящих сознание в далёкое прошлое, где каждый миг, запечатлённый в памяти, оживал с поразительной ясностью.

Взгляд невольно устремился к горизонту, а дыхание, ставшее прерывистым, выдавало внутреннюю борьбу: мысли, роившиеся в голове, то замирали на мгновение, то обрушивались лавиной, воскрешая образы давно минувших дней.

Воспоминания, похожие на старые письма, бережно хранимые в глубине души, разворачивались перед внутренним взором — и, ощущая их прикосновение, Апис словно возвращался в те мгновения, когда мир казался проще и понятнее.

Тоска, сжимавшая сердце тисками, постепенно смягчалась от образа любимой: прошлое, отбрасывая тени на настоящее, напоминало о том, что каждая утрата несёт в себе зерно нового начала, а каждая боль — отблеск пережитой радости.

И, глубоко вздохнув, он принял эту волну чувств, позволяя ей пройти сквозь себя: сердце, переболев, вновь обретало равновесие, а воспоминания, отзвучав, оставляли после себя не тяжесть, а тихую благодарность за прожитое и надежду на встречу.

Пытаясь сам себе поверить Апис ответил: Но ведь и ты можешь обрести такое счастье, не сравнивая свою судьбу с чужой, а открывая сердце для новых возможностей, которые дарит жизнь.

Ирша: Легко сказать... Я, глядя на счастливых влюблённых, танцующих на лугу, всё равно чувствую себя одинокой, подавляя в себе мысль, что, может быть, мне этого больше не будет дано.

Апис: Послушай, отпуская зависть, словно тяжёлый камень, ты освободишь место для радости. Ведь и в твоей жизни может быть много светлого.

Ирша: Наверное, ты прав. Но, прокручивая в памяти моменты, увиденные у других, я всё равно мечтаю о своём счастье — о человеке, готовом разделить со мной и радость, и печаль.

Апис: Это прекрасное желание, но не позволяя тёмной зависти погасить твой внутренний свет, ты создашь в своей жизни то, чего так искренне желаешь. Судьба любит тех, кто знает чего хочет, так ты откроешь дверь своему счастью. Оно уже стучится — нужно лишь распахнуть сердце, не омрачённое завистью.

Танцоры,двигающиеся в едином порыве, напоминали Апису о том, как важно находить ритм в жизни, а их движения, плавные и свободные, словно говорили о свободе духа. Ирша, глядя на реку, провожавшую плывущие облака, видела зеркало, в котором отражалась её печаль.

Ирша: Глядя на моих новых друзей, я завидую их домам и вспоминаю наше поселение. Говорят, что дом становится частью семьи — со своими историями, хранящими память о праздниках и встречах, и даже со своим характером. Больше у нас нет домов.

Апис: Но ты не знаешь какой путь они для этого прошли и дом - это не просто стены, сложенные из кирпича или дерева, в котором ты создаёшь свою жизнь, наполняя её теплом и смыслом. Это место, которое ты видишь, закрывая глаза, где любят, ждут, и куда ты возвращаешься хотя бы в мыслях.

Ирша: У меня нет даже родственников, у которых я бы могла пожить, хорошо тем, у кого есть богатство с рождения, им не нужно думать об этом.

Апис: Я не понимаю, почему ты им завидуешь, это же их жизнь и у них свои трудности, о которых ты не знаешь.

Ирша: Зато представь, сколько возможностей у них открывается! Они могут жить в прекрасных домах, учиться у лучших учителей, и путешествовать по миру, посещая страны, о которых мы только мечтаем.

Апис: Ирша, но у нас были прекрасные учителя и они обучали нас совершенно бесплатно только из любви к нам. И мы теперь можем жить самостоятельно, опираясь только на себя и свои знания, и дело не в родителях или их деньгах, а в том чему научились. Вспомни Сугата, он богат, но всему научился сам и ему даже наши учителя относились не как к ученику, а как к учителю. Ирша, зависть — это разрушительное чувство, подтачивающее душу изнутри: оно заставляет человека смотреть на других с неприязнью, не замечая собственных достижений.

Вода, мерцающая в лучах солнца, манила своей прохладой. Апис, сохраняя спокойствие и слегка прикрыв глаза, разглядывал в реке отражения облаков, тогда как Ирша, охваченная тревогой не могла унять внутреннюю дрожь, терзавшую её душу.

Разговаривая ровным, размеренным голосом Апис старался передать Ирше частицу своего душевного равновесия, а она, глотая слова и сбиваясь на полужару, пыталась объяснить причину своего волнения, но мысли, путавшиеся в голове, мешали связно изложить всё, что её тревожило.

Ирша: Но ведь не всякая зависть плоха, увидев успехи моих друзей я стремлюсь достичь того же.

Апис: Возможно, но зависть опасна, если её не контролировать. Люди, поглощённые мыслями о чужом благополучии, часто теряют радость от жизни, забывая ценить то, что имеют.

Ирша: Может ты забыл, но у меня теперь ничего нет, мне нечего ценить!

Апис: Я тоже потерял всё и то, что я говорю тебе, я говорю и себе, что бы мне не было так больно.

Ирша: А как же Сапиентия?

Апис: Я потерял её в том пожаре. И теперь сравнивая себя с другими без меры, впадаю в уныние, не находя в себе силы двигаться дальше, а мне необходимо продолжать путь.

Ирша: Так ты разыскиваешь Сапиентию?

Апис: Да, я ищу её и всех кто мне дорог, я хочу найти своих друзей и именно по этому мне важно фокусироваться на своём пути, а ставя перед собой цель, я меньше завидую, так как занят поиском.

Ирша: А я никого не ищу, у меня уже есть новые друзья и пусть они поглощены своим соревнованием кто из них лучше танцует, не замечая моей грусти, продолжают обмениваться историями, приправленными шутками и преувеличениями, это всё равно лучше, чем быть одной.

Апис: Твои друзья - это твой выбор, но окружение сильно на тебя влияет. Если ты постоянно находишься среди тех, кто выставляет свою жизнь напоказ, сложно не поддаться искушению, сравнивая свои скромные результаты с их возможностями и не забывай, у вас разные точки отсчёта, у тебя путь только начался.

Солнце окрашивало всё вокруг в тёплые оттенки, Апис, закрыв глаза, вдыхал аромат полевых цветов, растущих неподалёку, тогда как Ирша обдумывала их разговор, боясь упустить что-то важное. Облака, меняя свои очертания, напоминали ей об изменчивости её настроения, и увлечённая этой игрой воображения, она немного успокоилась.

Ирша: Значит, нужно выбирать окружение осознанно?

Апис: Я стараюсь общаться с людьми, вдохновляющими на созидание, а не на зависть — они делятся опытом, помогая расти, вместо того чтобы соревноваться.

Ирша: Получается, проблема не в самой зависти, а в том, как я её проживаю? То есть, осознавая свои эмоции, могу превратить их в мотивацию?

Апис: Именно! Вместо того чтобы злиться на чью то удачу, лучше спросить себя: «Что я могу сделать, используя этот пример как ориентир?» — и двигаться вперёд, не оглядываясь на тех, кто идёт другим путём. Знаешь, я всё чаще думаю о том, как зависть, подтачивающая силы изнутри, мешает людям радоваться жизни, не позволяя замечать собственные успехи.

Ирша: Но ведь зависть — это естественное чувство, присущее каждому!

Апис: Может и так, но люди, поглощённые завистью к чужим достижениям, часто теряют связь с реальностью, забывая развивать свои таланты. Главное — научиться использовать энергию зависти правильно, превращая её в собственный духовный рост.

«Но как избавиться от этого чувства? — спросила Ирша, сжимая в руках свою белую сумку и глядя на танцующие вдалеке пары. — Оно появляется само собой, словно тень за спиной».

«Давай представим, — предложил Апис, — что каждый раз, завидуя другому, ты забираешь частицу счастья у самой себя, а, желая человеку добра, ты, наоборот, вкладываешь в свою жизнь что-то светлое».

Ирша, пытаясь осмыслить сказанное и вспоминая свои недавние переживания, тихо произнесла: «Получается, я сама лишаю себя радости, когда завидую?»

«Именно так, — подтвердил Апис. — Представь мир как сад, где добрые пожелания, посеянные с искренностью, прорастают цветами, украшающими и твою собственную жизнь».

Ирша, наблюдая за танцующими и чувствуя, как в душе что-то меняется, спросила: «А если я начну искренне радоваться успехам других, это действительно поможет мне?»

«Обязательно, — улыбнулся Апис. — Но для начала надо отпустить зависть, и не омрачать момент своими чувствами. Когда ты желаешь добра другому, не сдерживая искренних чувств, ты освобождаешь место для благодарности и радости в своём сердце, а чувствуя это и твою жизнь становится такой, какой ты желаешь».

«Тогда я поняла, — продолжила Ирша, — наше счастье не зависит от чужих достижений, а создаётся нашими чувствами к другим?».

«Да, но не всегда бывает это легко и иногда приходится переводить своё внимание на то, что нравится — задумчиво продолжил Апис. — И заметь, как изменится твоё состояние, когда ты сделаешь это, освободившись от тяжести зависти».

Апис и Ирша задумались, глядя на реку. Лёгкий ветерок, шевелящий листья над их головами, доносил обрывки мелодии, под которую пары, кружащиеся в танце, плавно скользили по траве, освещённой отблесками дня.

«Ирша, — спросил Апис, обернувшись, — а что с твоей флейтой? Моя стала фальшивить после того как от нас ушёл Симха и думаю, что она сломалась.»

Ирша, оторвав взгляд от своих новых друзей и достав свою флейту из сумки, вздохнула: «Моя флейта не сломана, но она всегда фальшивила, просто этого не было слышно когда мы играли на них все вместе».

Апис взял её флейту в руки и, попробовав сыграть — но звук получился резким и фальшивым, резанувшим слух.

«Странно, — удивился Апис, — может дерево рассохлось?»

Ирша, подвинувшись ближе и внимательно осмотрев инструмент, заметила: «Нет, она цела, трещин не видно — видимо, дело не в дереве, а в чём-то другом».

«А ты смогла прочитать книгу, которую нам дали в школе?» — спросил он, доставая из сумки свою.

Ирша, слегка улыбнулась: «Я не могу её прочитать — текст написан на неизвестном мне языке».

Апис, взяв книгу в руки и впервые открыв её, удивлённо поднял брови: «И правда, буквы какие-то необычные, я не могу разобрать хотя бы пару строк».

Ирша, внимательно рассматривая переплетённые символы, выстроенные в ровные ряды, заметила: «Они напоминают мне иероглифы древних манускриптов».

«Возможно, ты права, — согласился Апис, — Давай попробуем разобраться вместе — вдруг у нас получится расшифровать хотя бы начало?»

Но даже используя все свои знания они не смогли понять ни единого слова, оставшись в полном недоумении.

Друзья, склонившись над страницами и сравнивая знаки в своих книгах, провели так много времени, но всё было безуспешно.

Апис, положив свою книгу обратно в сумку, вздохнул: «Похоже, этот язык действительно редкий — ни одного совпадения между нашими книгами нет, несмотря на все наши старания».

Он развернул свой белый свиток пройденных уроков, там золотыми буквами было написано:

«Не завидуй чужому саду: ты не видел, сколько бурь он пережил. Свой сад вырастить по силам — чужой не одолеешь.»

Пары у реки, завершая свой танец, разбредались по берегу, а их смех, затихающий вдали, оставлял после себя ощущение светлой грусти.

Ирша: Апис, посмотри туда, по берегу реки, идёт кто-то знакомый.

Апис посмотрел куда указывала Ирша: Это же Аварития, мы так и не виделись после пожара.

Аварития, одетая в чёрное, шла неторопливо, словно погружённая в свои мысли. Подняв глаза на холм с деревом, под которым сидели Апис и Ирша, она заметила своих одноклассников и подошла к ним.

Аварития: Друзья мои! Какая неожиданность — встретить вас здесь, когда-то мы хотели всегда оставаться рядом, несмотря на расстояния и время.

Апис: Да, те дни были особенными. Мы, не думая о завтрашнем дне, жили настоящим — смеялись, танцевали, мечтали.

Аварития: Да, но это прошло. Сейчас это даже смешно вспоминать.

Апис: Почему смешно? Мне грустно, что я потерял всех своих друзей. А сейчас, оглядываясь назад, понимаешь, что те простые моменты — они и были самым настоящим счастьем. Мы, не имея ни денег, ни особых возможностей, умели радоваться мелочам, ценили каждый миг, проведённый вместе.

Аварития: Теперь у меня много денег и я не хочу возвращаться в прошлое.

Апис: А я ищу Сапиентию и своих друзей не для того чтобы вернуться в прошлое, а чтобы с ними жить дальше, я помню как хорошо нам было вместе.

Ирша: Но, Апис, Аварития права! Мне нужны деньги на всё что я так хочу, я это заслужила, я столько отстрадала, я не понимаю где мне их взять и что мне теперь делать.

Аварития: Я нашла чем заниматься и если вы хотите, то можете пойти со мной.

Апис посмотрел на золотую стрелку своего компаса, она вращалась не указывая точного направления и он решил последовать за Иршей и Аваритией.

СОН 10: Тринадцать чёрных коров

Снилось золотой пчеле, что тринадцать чёрных коров, пасущихся на широком лугу за рекой и срывающих белые цветы, вытаптывающих нежную траву и не оставляющих за собой ничего, кроме голых участков земли, медленно передвигались вдоль берега, переступая тяжёлыми копытами и изредка переглядываясь между собой.

Одна из них, склонившая голову к земле в поисках уцелевших соцветий, вдруг замерла, прислушиваясь к отдалённому жужжанию летящей пчелы. Коровы переглянулись между собой и, медленно ступая и оставляя глубокие следы на мягкой земле, стали уходить в реку, погружаясь в прозрачную воду, которая, мерцавшая под лучами солнца, ласково обволакивала их бока.

Миру, погружённому в таинственную тишину сновидений, снилось, как пчела, блестя на солнце золотистыми крыльями и плавно рассекая воздух, летела над лугом. Оглядываясь назад и видя, как коровы постепенно исчезают из виду, пчела ускорила полёт, устремляясь к горизонту, где небо, окрашенное в золотые тона, встречалось с землёй, а рассвет, разгонявший остатки ночной тьмы и пробуждавший всё живое, начинал вливать в мир новую жизнь, наполняя его светом, пока сновидение, тая, словно утренний туман, не стало растворяться, оставляя после себя лишь лёгкое воспоминание.

Аркан 13 «Смерть»

Апис, Ирша и Аварития вышли к яблоневому саду, который напоминал их школьный сад, раскинувшийся на берегу реки. Мощные стволы яблонь глубоко уходили корнями в землю, а под тяжестью спелых зелёных яблок, сгибались упругие ветви, и, вдыхая насыщенный аромат созревших плодов, друзья замерли на мгновение, поражённые красотой открывшегося вида. Освещённые последними лучами заходящего солнца, деревья отливали розоватым оттенком, а листья, трепещущие на лёгком ветру, издавали едва уловимый шелест, словно перешёптываясь между собой.

Аварития, сорвав одно из яблок, с удовольствием откусив, наслаждалась его сочной мякотью, в то время как Ирша, задумчиво глядя вдаль, вспоминала дни, проведённые в школьном саду, где они когда то играли, не подозревая о грядущем.

Апис, облокотившись на ствол старой яблони, покрытой морщинистой корой, наблюдал за облаками, плывущими по небу, и размышлял о том, как быстро летит время, унося с собой мгновения прошлого.

Птицы, перелетающие с ветки на ветку, весело щебетали, приветствуя гостей, а где то вдалеке раздавались голоса, но обрывки фраз трудно было разобрать из-за плеска речной воды. Сад, окутанный лёгкой вечерней дымкой, казался волшебным местом, затерянным во времени, и друзья, чувствуя, как усталость покидает их тела, расслабились, позволяя себе насладиться покоем.

Аварития, подняв голову к небу, следила за кружащими в вышине птицами, а Ирша, присев на опавшие листья, начала плести венок, напевая тихую мелодию, услышанную когда то. Апис, улыбнувшись, присоединился к ней, подбирая самые красивые листья, и вскоре венок был готов и Ирша подойдя к воде пустила его плыть вниз по течению, но она не увидела, как за поворотом реки набежавшая волна потопила его.

Солнце, клонившееся к горизонту, окрашивало всё вокруг в розоватые тона, а тени, удлинившиеся за день, теперь тянулись через весь сад, создавая извилистые узоры на земле. Ветер, ставший чуть сильнее, приносил с собой запах росы, и друзья, ощутив первые признаки наступающего вечера, решили не торопиться уходить. Они сидели, слушая звуки природы, и дели-

лись воспоминаниями об их общей школьной жизни, произошедших среди такого же яблоневого сада, растущего за школой у реки.

По яблоневому саду шёл высокий человек в чёрном, окутанный лёгкой вечерней тенью и слегка покачивающий серебряной тростью, он увидел трёх друзей, оживлённо беседовавших под старой яблоней, и подошёл к ним, внимательно их разглядывая, пытаясь понять, что привело их в это уединённое место. Остановившись в нескольких шагах, он слегка наклонил голову, прислушиваясь к их разговору, наполненному смехом и воспоминаниями, а друзья, заметив незнакомца, на мгновение замерли.

Человек, не теряя самообладания, слегка улыбнулся, демонстрируя доброжелательность, и, сделав ещё один шаг вперёд, произнёс приветственные слова, звучавшие неожиданно мягко для его внушительной фигуры.

— Апис и Ирша, это Малум, мой новый учитель, и теперь мы работаем вместе, — с воодушевлением произнесла Аварития, широко улыбаясь и жестом приглашая друзей подойти ближе.

— Очень приятно, Малум, — отозвался Апис, разглядывая собеседника, облачённого в чёрные одежды.

— Рад знакомству, — сдержанно ответил Малум, внимательно глядя на Аписа чёрными глазами, а затем, повернувшись к Ирше, добавил: — Я наслышан о вашем совместном обучении в школе, и это впечатляет.

— Правда? — удивилась Ирша, невольно поправляя прядь волос, и с любопытством вглядываясь в лицо нового учителя.

— Да, — подтвердил Малум, доставая из кармана небольшой свиток отливавший перламутром, перевязанный шёлковой красной лентой, и протягивая его Аваритии, — Вот план ближайших дел, составленный с учётом ваших сильных сторон.

— Мы будем обучать людей новым законам бытия в нашей общине «Мендациум», а затем отправимся в путешествие по реке с проповедями и принимая к нам новообращённых последователей, — пояснила Аварития, указывая на реку, золотившуюся в лучах заката.

— Это же невероятно! — воскликнула Ирша, чувствуя, как сердце забилося чаще от предвкушения, и невольно сжимая кулаки в нетерпении.

— Но сперва моим приближенным нужно усвоить новые знания и отточить навыки, — предупредил Малум, слегка улыбнувшись её энтузиазму, затем перевёл свой тёмный взгляд на Аписа, который молча стоял и не принимал участия в диалоге.

— Здесь собраны новые знания, которые в нашей школе нам не преподавали, — кратко сказала Аварития, доставая книгу в чёрном кожаном переплёте из своей сумки и заложенной засушенным белым цветком.

— Вы, должно быть, объехали полмира, собирая эти знания, — восхищённо произнесла Ирша, скользя взглядом по страницам, испещрённым заметками на полях, оставленными, видимо, самим Малумом.

— Не без того, — усмехнулся учитель, лукаво поглядывая на Аписа, — Но самое интересное всегда находится рядом, если уметь видеть.

— Значит, мы начнём завтра? — уточнила Аварития, стараясь скрыть волнение, охватившее её при мысли о предстоящих уроках.

— Именно, — кивнул Малум, — Встретимся на рассвете у западных ворот, а пока располагайтесь и угощайтесь яблоками.

— Спасибо за гостеприимство, мы обязательно придём, — заверила Ирша, бросая взгляд на друзей, чьи лица, освещённые лучами заката, выражали смесь восторга и предвкушения, только в глазах Аписа мелькнула тень воспоминаний о прошлом.

— Тогда до завтра, — подытожил Малум, делая шаг назад и слегка улыбнувшись, но его глаза, внимательно следившие за Аписом, казалось, стали ещё темнее.

— До завтра, учитель, — хором ответили Ирша и Аварития, провожая Малума взглядами, пока тот удалялся по тропинке, усыпанной опадающими листьями.

— Ну что, готовы к новым открытиям? — спросила Аварития, оборачиваясь к друзьям, её глаза, горящие азартом, с радостью смотрели на Иршу.

— Ещё бы! — воскликнула Ирша, — С таким учителем нас ждёт нечто грандиозное.

— Согласна, — улыбнулась Аварития, глядя на удаляющегося Малума, чья фигура, растворяющаяся в сумерках, казалась воплощением грядущих тайн и открытий.

Ирша, бросила быстрый взгляд на Аписа, ища поддержки. Апис, сохраняя спокойствие, всё смотрел вслед Малуму, пытаясь разгадать его намерения.

Аварития: Друзья, я хочу рассказать вам о своём новом учителе — вы просто не поверите, насколько он удивителен!

Апис: Расскажи поподробнее, что в нём такого особенного?

Аварития: Во-первых, он невероятно умён, обладая энциклопедическими знаниями во множестве областей, и, щедро делясь ими с учениками, всегда находит способ объяснить даже самые сложные новые концепции.

Ирша: Звучит обнадёживающе! Он произвёл на меня впечатление, я чувствую, что от него исходит какая-то внутренняя сила, которая манит меня.

Аварития: Да, в нём скрытая сила, которая лишь подчёркивает его статус, а его взгляд, пронизывающий насквозь, будто видит все твои мысли. Мне кажется, что он наперёд знает все желания и я уверена, он знает как каждому добиться желаемого.

Апис: А он строгий или добрый?

Аварития: И то, и другое: строгий, когда дело касается дисциплины, но добрый и отзывчивый, поддерживая тех, кто искренне стремится к нему.

Ирша: А что насчёт его богатства? Ты говорила, он состоятелен?

Аварития: О да, он очень богат — владея этим садом, огромными домами и коллекцией редких книг, он не кичится этим, а, напротив, готов делиться своим достатком с приближёнными.

Апис: И как он это делает?

Аварития: Например, он организовал фонд, помогающий людям, они платят ему деньги, а он делится своими знаниями, а я и ещё девять его приближенных делим эти деньги между собой и нам надо ещё два наставника в наше сообщество. Я думаю, что вы понравились Малуму и возможно завтра пригласит вас стать одними из нас.

Ирша: Подумать только! А зачем ему помощники?

Аварития: Он преподаёт основные дисциплины, а, доверяя часть занятий другим наставникам, сам уделяет больше времени индивидуальным консультациям.

Апис: Получается, вам не хватает только нас двоих, что бы распространять дальше свои новые знания и зарабатывать деньги?

Аварития: И я считаю, что вы отлично для этого подходите. Малум, безусловно, самый главный и ещё двенадцать его приближенных - наставники для работы с новообращёнными последователями.

Ирша: А приближённые его уважают?

Аварития: Без сомнения! Цени его мудрость и доброту, они стараются соответствовать его ожиданиям, а, видя его искреннюю заинтересованность в нашем успехе, работают с удвоенным усердием.

Апис: Кажется, тебе очень повезло с учителем.

Аварития: Да, я так и считаю! Обучаясь у него и впитывая каждое слово, я чувствую, как становлюсь умнее и увереннее в себе.

Ирша: Здорово, что есть такие люди — готовые не только делиться знаниями, но и вдохновлять других на развитие. И мне так нужны деньги, что я готова уже завтра приступить к изучению новых знаний и быть с вами.

Аварития: Уверена, у тебя всё получится! А столько денег, сколько я получаю здесь, мне нигде не заработать, тем более люди сами их несут нам и ещё благодарят за новые знания.

Апис, неторопливо подойдя к Аваритии и окинув её печальным взглядом, спросил, играет ли она на флейте, надеясь услышать утвердительный ответ. Аварития, слегка вздрогнув от неожиданности и поправив прядь волос, упавшую на лицо, тихо ответила, что забросила попытки извлечь хоть какие-то благозвучные мотивы после пожара.

Апис, стараясь скрыть лёгкое разочарование спросил, смогла ли она прочесть книгу, выданную в школе, которую они должны были научиться читать и которая рассказывает им об их жизни, Аварития, задумчиво посмотрев вдаль, где яблоневые деревья, освещённые вечерним солнцем, покачивались на ветру, призналась, что не открывала её давно и утратила интерес к страницам, некогда манившим её своими тайнами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.